

Красная власть и эмиграция III. Комиссары боятся эмиграции

<Фрагмент>

<...>

Советская печать вопит на всех перекрестках, что русская эмиграция бессильна, что она потеряла под собой почву, что она разложилась.

А рядом с этим какие бесконечные суммы украденного у народа золота швыряются советским правительством на попытки этого разложения! Какая орда чекистов и красных шпионов, тайных и явных, гоняет по всему миру, занятая слежкой за белыми организациями! Сколько устроено за границей «сменовеховских» центров, групп и изданий продажной печати!

Если мы, эмигранты, разложились, если мы ни на что не способны и ничем не страшны, то зачем мобилизовать всю эту дорогостоящую ватагу на борьбу с бессильным врагом и зачем усиленно заманивать в Россию ни к чему не способных людей?

Не слова, но дела Кремлевского Правительства говорят, что оно лжет, что мы чем-то ему страшны и что оно злится в своей бессилии, ломая об нас зубы.

В самом деле: денег и усилий оно истратило много, а толку получено мало.

Кого оно от нас переманило, каких лучших людей оно нас лишило?

Несколько второсортных «белой» и «Керенской» фабрикаций министров, вроде афериста Скобелева, маньяка Чахотина, профессора двадцать девятого сорта Ключникова, пропившегося и проворовавшегося профессора Гримма¹, да «революционного» прокурора Св. Синода Владимира Львова, которого еще в детстве нянька ушибла головой об печку!

Несколько второсортных литераторов и желтых журналистов, которых покупал и раньше всякий, кому нужно, вроде Кирдецова, юмориста Агнивцева², горохового шута Игоря Северянина³, которого припугнули чрезвычайкой, или провокатора и деникинского дезертира Александра Дроздова. И между ними единственный талантливый писатель Алексей Толстой, при всем даровании — увы — уже давно всем известный, как человек совершенно бесовестный, с «утробной моралью», беглец от фронта, клубный наемный директор, поочередно продававшийся Бурцеву, Милюкову,

Учредивцам и парижским эсерам, пока не нашел самого выгодного покупателя в «Накануне».

Наконец, несколько второсортных военных вроде пьяницы и кокаи-ниста Слащева, отданного под суд и выгнанного со службы генералом Врангелем, мелкого казачьего политикана и афериста Гнилорыбова⁴, столько раз продававшего свою душу, что он даже и сам потерял счет, да несколько десятков бедствовавших на Балканах генералов и офицеров, не вынесших нужды и тяжелой жизни.

Вот и вся красная жатва в рядах, так сказать, «ответственной» эмиграции.

Мы не включаем сюда тысячу-другую одураченных красными зазывалами казаков и солдат, вернувшихся в Россию. Это не «сменовеховцы», а просто истомившиеся по родине люди, которые тяжело заплатились за свою доверчивость, частью попав прямо к стенке, частью в лагеря и в ссылку.

Таким образом, красный улов сколько-нибудь заметных эмигрантских душ в «сменовеховскую» вершу, как мы видим, не велик ни по количеству, ни по качеству.

<...>

